

Максим Горький

**Н. Е. Каронин-
Петропавловский**

Максим Горький

Н. Е. Каронин-Петропавловский

«Public Domain»

1911

Горький М.

Н. Е. Каронин-Петропавловский / М. Горький — «Public Domain», 1911

«Осенью 89 г. я пришёл из Царицына в Нижний, с письмом к Николаю Ельпидифоровичу Петропавловскому-Каронину от известного в то время провинциального журналиста В.Я.Старостина-Маненкова. Уходя из Царицына, я ненавидел весь мир и упорно думал о самоубийстве; род человеческий – за исключением двух телеграфистов и одной барышни – был мне глубоко противен, я сочинял ядовито-сатирические стихи, проклиная всё сущее, и мечтал об устройстве земледельческой колонии. За время пешего путешествия мрачное настроение несколько рассеялось, а мечта о жизни в колонии, с двумя добрыми товарищами и милой барышней, несколько поблекла...»

Максим Горький

Н. Е. Каронин-Петропавловский

Осенью 89 г. я пришёл из Царицына в Нижний, с письмом к Николаю Ельпидифоровичу Петропавловскому-Каронину от известного в то время провинциального журналиста В. Я. Старостина-Маненкова. Уходя из Царицына, я ненавидел весь мир и упорно думал о самоубийстве; род человеческий – за исключением двух телеграфистов и одной барышни – был мне глубоко противен, я сочинял ядовито-сатирические стихи, проклиная всё сущее, и мечтал об устройстве земледельческой колонии. За время пешего путешествия мрачное настроение несколько рассеялось, а мечта о жизни в колонии, с двумя добрыми товарищами и милой барышней, несколько поблекла.

До этого времени я не встречал писателей – кроме Маненкова и Е. Н. Чирикова, которого видел однажды мельком; также мельком видел я в Казани и Каронина. Маненков был человек – в трезвом виде – чудаковатый, а выпивши, шумно изъяснялся в любви к русскому народу, плакал и заставлял меня тоже любить русский народ. Но однажды, осенним вечером, мы с ним шли по краю площади города Борисоглебска, а посредине её, в глубокой, чёрной борисоглебской грязи, барахтался пьяный мещанин и орал, утопая.

– Вот, видите? – поучительно сказал Василий Яковлевич. – Мы читаем книги, спорим, наслаждаемся и идём равнодушно мимо таких явлений, как это, а подумайте-ка, разве мы не виноваты в том, что этот человек не знает иных наслаждений, кроме водки?

Я предложил пойти и вытащить человека, а Маненков сказал:

– Если я пойду, то потеряю калоши.

Пошёл я и потерял интерес к народолюбцу.

Но я много читал, и моё представление о русском писателе сложилось в красивый сказочный образ: это суровый глашатай правды, он одинок среди людей, никем не любим, обладает несокрушимой силой сопротивления врагам справедливости, и, хотя враги усердно вымораживают его душу, она неистощимо пламенна и – «дондеже есмь» возжигает свет во тьме.

Н. Е. Каронин был в ладу с этим представлением – я читал почти всё, написанное им, и только что познакомился с рассказом «Мой мир», где есть слова, ударившие меня в сердце:

«На свете нет ничего дороже мысли. Она – начало и конец всего бытия, причина и следствие, движущая сила и последняя цель. Кто же заставит меня отказаться от неё? Люди прекрасны только в той мере, в какой вложена в них эта мировая сила. Если мир окутывает ещё тьма, то потому только, что мысль не осветила её; если среди людей большая часть подлых, то только потому, что мысль не освободила ещё их от безумия» {Из рассказа «Мой мир», соч. Каронина, т.2-й, стр.364 – Ред.}.

И вот я, с трепетом в душе, – как верующий пред исповедью, – тихонько стучу в дверь писателя: он жил во втором этаже маленького флигеля. Высокая, чёрная женщина в красной кофте, с засученными по локоть рукавами, открыла дверь, подробно и не очень ласково расспросила, кто пришёл, откуда, зачем, и ушла, крикнув через плечо своё:

– Николай, выдь сюда...

Предо мною высокий человек, в туфлях на босую ногу, в стареньком, рыжем пиджаке, надетом на рубаху, не лучше моей, – на ворота рубахи одна пуговица оторвана. Брюки его измяты, вытянуты на коленях и тоже не лучше моих, длинные волосы растрёпаны так же, вероятно, как и у меня. Он смотрит в лицо мне светло-серыми глазами; взгляд ласковый, усталый, а глаза немного выпуклые, и мне кажется, что они видят всё, что я думаю, знают всё, что скажу. Это смущает меня. В ответ на его вопросы я молча киваю головой, говорю «да», «нет», но мне всё приятнее смотреть на него.

У него небольшой рот и яркие губы; красивые брови вздрагивают, и тонкие пальцы – тоже, он перебирает ими редкую, но длинную бороду, дёргая её книзу, – точно он всё время растёт; красивый, высокий лоб его усиливает это впечатление непрерывного роста – а торопливые движения руки как будто пытаются задержать рост. Он – тонкий, худой, несколько сутулый, грудь вогнута, руки длинные, в нём есть что-то детское, приятно неуклюжее, я чувствую, что моё смущение замечено им и, в свою очередь, смущает его.

– Ну, идите сюда, шагайте, – приглашает он глуховатым голосом.

Говорит он немного заикаясь, точно отсекает апострофом первый звук слова; это тоже очень хорошо, чудесно сливается с его большим, замученным лицом и рассеянным взглядом светлых глаз.

Мы в узкой, тесной комнате, и первое, что бросается мне в глаза, – в ней нет стола, нет книг. У стены – койка, один её конец выдвинут немного на середину комнаты, на подушках лежит пирожная доска, на доске – недописанный лист бумаги, несколько таких же листов – на стуле, по примятой постели видно, что человек писал, сидя верхом на койке, а столом служила ему пирожная доска.

Сбросив со стула бумаги, он подвинул его мне, а сам сел на постель, крепко потирая руки и говоря:

– Вót – пишу тут, надо – скоро, а там жена и Сáша – собираются уезжать и сýматоха, знаете...

Потом стал читать письмо Маненкова, высоко подняв брови, улыбаясь мягкой, женскою улыбкой и покашливая тихонько.

Дверь в соседнюю комнату была не прикрыта, там черноволосая женщина, с лицом цыганки, гладила накрахмаленную юбку; один конец гладильной доски лежал на столе и груде толстых книг, а другой на спинке стула.

– Скоро? – строго и певуче спросил кто-то.

На пороге встала высокая барышня с огромными глазами.

– Ах, ты не один! – сказала она.

– Падчерица моя, Саша, знакомьтесь, – предложил Каронин, не отводя глаз от письма, обширного, написанного мелким почерком, лиловыми строчками.

Барышня протянула мне руку и ушла, напевая что-то.

– Хотите, значит, сесть нá землю? – с усилием спросил Каронин, отделяя каждое слово секундой паузы. – Сколько же вас?

– Двое телеграфистов, я и девушка, дочь начальника станции.

– Н-ну, и влюбитесь вы в неё все трое, а пóтом начнёте драться, и выйдет скандал, а не к-колония.

Он наклонился ко мне, размахивая листом письма, и, усмехаясь, заглянул в глаза мне.

– Давайте говорить начистоту. Знаете, что пишет Василий Яковлевич? Он пишет, чтоб я отговорил вас от этой затеи.

Я удивился.

– Он одобрял меня и обещал помочь.

– Да? Ну а пишет, чтоб я отговорил... А я не знаю, как отговаривать, у вас вон такое упрямое лицо. И вы – не интеллигент. Интеллигенту я сказал бы: брось это, друг мой; это нехорошо – идти отдыхать туда, где люди устают больше, чем ты... И это искажает хорошую идею единения с народом. Несомненно – искажает. К народу надобно идти с чем-то твёрдо, на всю жизнь решённым, а так, налегке, потому что тебе плохо, – не ходите. Около него вам будет ещё хуже.

Он выполнял данное ему поручение с видимой неохотой, я чувствовал это, мне было неловко, и я спросил – не лучше ли мне зайти в другой раз?

– Почему? – встрепенулся Каронин. – Нет, подождите!

Он осмотрел пустые стены комнаты и продолжал оживлённее:

– Я как раз вот описываю историю одной колонии – историю о том, как пустяки одолели людей и разрешились в драму...

Повернулся к доске и сказал, поглядывая на исписанный лист:

– «Общество имеет свои отрицательные стороны, – да, люди пусты, раздвоены, без нужды толкаются, мозолят друг другу глаза и – когда всё это надоест – ищут одиночества. А в одиночестве человек преувеличивает всякое своё чувство, всякую мысль в сотни раз и в сотни раз тяжелее страдает от этих преувеличений», – это говорит один барин в моей повести.

Отбросив листок в сторону, он усмехнулся, провёл рукою по лицу сверху вниз, смешно придавив себе нос, и встал, говоря:

– Знаете – зачем вам колония? Не нужно это вам. Ведь вы ищете идеального, смотрите – придётся вам спросить себя, как уже теперь спрашивают многие и в том числе мой герой, – я его не выдумал, это живой, современный, преувеличенный человек – зрелище очень печальное, – он сам каялся мне. Вот, – и, снова порывшись в своих листках, он прочитал с одного из них: «Что идеального в том, если человек душу свою закопает в землю, окружив себя миллионами пустяков? Человек должен бороться против пустяков, уничтожать их, а не возводить в подвиг и заслугу». Вот о чём вам придётся думать, это – наверняка!

Провёл в воздухе рукою длинную линию и разрубил её посередине убедительным жестом, а потом сморщил лицо, вздохнув:

– К-колония – эх! Разве это нужно?

Более тысячи вёрст нёс я мечту о независимой жизни с людьми-друзьями, о земле, которую я сам вспашу, засею и своими руками соберу её плоды, о жизни без начальства, без хозяина, без унижений, я уже был пресыщен ими. А тихий, мягкий человек взмахнул рукой и как бы отсёк голову моей мечте. Это явилось неожиданностью для меня, я полагал, что моё решение устойчивее, крепче. И особенно странно – даже обидно – было то, что не слова его, а этот жест и гримаса опрокинули меня.

– Маненков сообщает, что вы пишете стихи, покажите – можно? – спросил он спустя некоторое время, в течение которого дал ещё несколько лёгких ударов полуживой уже моей мечте. Мне и жалко было её и весело, что она оказалась такой слабой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.